

Новый Орфей

Urbi

*Литературный альманах
издаваемый
Владимиром Садовским
под редакцией
Кирилла Кобрин*

выпуск пятьдесят второй

серия

**Новый Орфей
(29)**

Елена Елагина

В ПОЛЕ ЗРЕНИЯ

**Санкт-Петербург
2009**

Прага.

Санкт-Петербург

УДК 82-1
ББК 84(2Рос-Рус) 6
Е47

Е 47 **Елагина Елена. В поле зрения.** Книга стихов — Угби: литературный альманах. Выпуск пятьдесят второй: серия «Новый Орфей» (29) — СПб.: АО «Журнал “Звезда”», 2009. — 80 с.

ISBN 5-89205-013-0

Почтовые адреса редакции:
Россия, 190005, СПб., а/я 69
kobrins@volny.cz.
elelagina@mail.ru

Дизайн и вёрстка Владимира Медведева

*Издание осуществлено при содействии
издательства «Астроакадемия»*

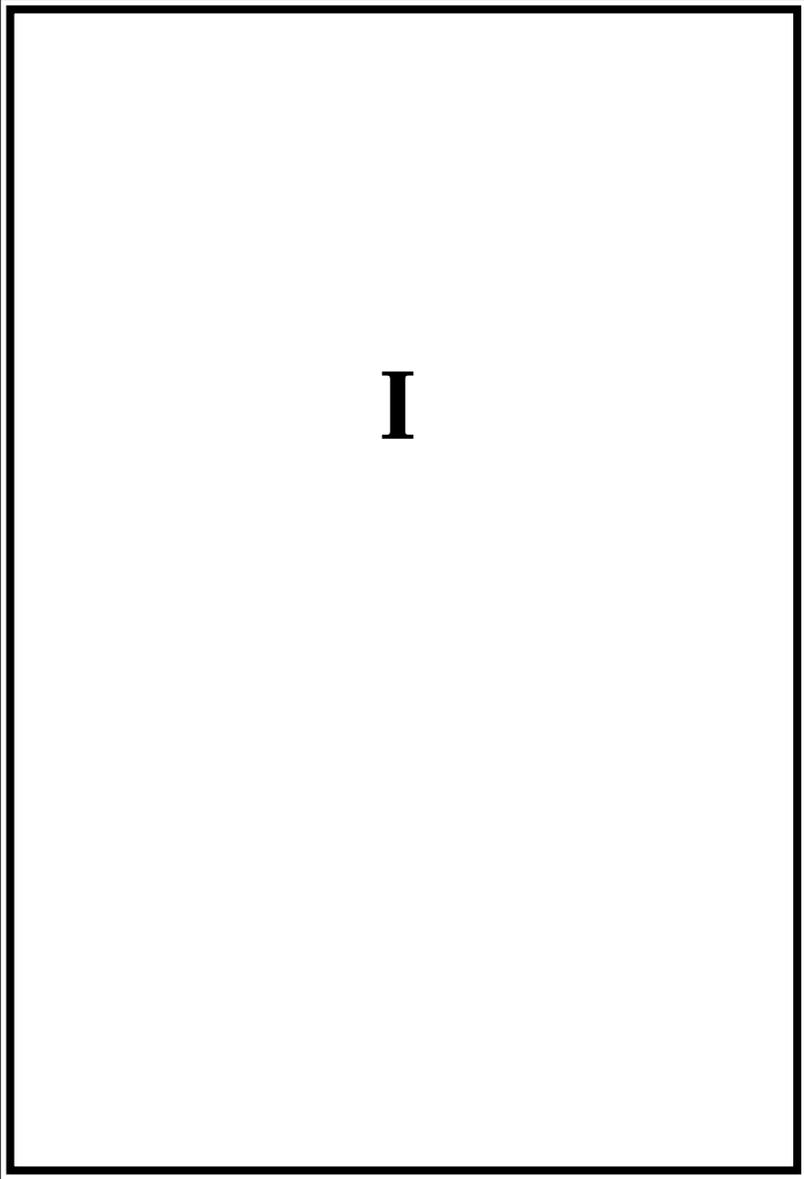
*Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 062572 от 12 июля 1998 г.*

*Издательство «Журнал “Звезда”»
191028, Санкт-Петербург, Моховая ул, д. 20
Подписано к печати 1.07.06. Формат 60×90/16
Печать офсетная. Усл.печ. л. 6. Тираж 300 экз.*

ISBN 5-89205-013-0

© Елена Елагина, 2009

© Владимир Медведев «М.В. Арт», макет, 2009

I

Будет тебе счастье с несчастьем вровень,
Будет тебе радость размером с бивень,
Если разрастётся смиренья корень,
Если возмужает июньский ливень.

Если звёзды встанут своим порядком,
Если птицы взмоют заветным клином,
Если муравьями в косо́й тетрадке
Буквы замелькают забегом длинным.

Бинокль — полевой или морской? —
К которому прильнёшь с былой тоской,
Но углядеть давно уже не в силах
Ни свет в конце туннеля, ни туннель,
Ни выгнутую шаром параллель,
Ни ангела, того, что в вечных силах.

Мир покачнулся, черепахи спят,
Слоны меланхолично вдаль глядят,
Киты уплыли, унеся с собою
Земную ось. И призрачный ковчег
Дрейфует в вечности, рывками для свой бег
Под шум межпланетарного прибора.

Ездовая собака обожает свою упряжку,
А ещё обожает свою блестящую бляшку,
Ту, которую выдали на последних соревнованиях —
Будет чем красоваться в северных полыханьях.

И хозяина любит, и всю собачью бригаду,
И ни пяди своей победы врагу не уступит, гаду!
И клыки у неё сильны, и лоснится шкура,
И глаза у неё остры, и губа не дура.

Хорошо ей, собаке, в езде познающей Бога,
У неё молитвой ложится наезженная дорога,
И духовный путь согласован с путём хозяйским,
И вовек она не соблазнится яблочком райским.

Ездовая собака радуется езде
И бежит себе, улыбаясь, к заветной звезде.

Летние часы с белым, смотри, ремешком,
Зимние, смотри, — с чёрным — как будто бы инь и ян.
Льётся прозрачное время со звуком знакомым — Ом-м-м-м,
Наполняя с верхом единственный личный чан.

Налипает белым на волосы твои, гляди,
Проступает чёрным под глазами твоими, глянь,
Украшает вечность безупречностью леди Ди,
Обтекает по контуру ждущую твою длань.

О, как оно сочится, не удержать в горсти,
Высший наш супервайзер, по-старому — бригадир.
Что там осталось? Только тихо шептать: прости!
Всё, чем сегодня жив ты, завтра сольёт сортир,

Завтра развеет ветер, вытрется ремешок:
Чёрный белёсым станет, белый утратит цвет,
Времени не дано нам делать запасы впрок,
Вечности нам обещан ужас, гласит завет.

Вот уж когда загадки все разгадать подряд
Даже дебил сумеет, каждому сквозь кольцо,
Словно в гаданье девичьем суженых вместо дат
Третье покажут Хроноса сомкнутое лицо.

SILENTIUM

Мой мобильный лежит в шкафу,
У меня на него невроз,
Занеси, психиатр, в графу
Свой нелюбимый прогноз.

Мой домашний давно отключён,
Говорить по нему нет сил.
Знать, защитный слой истончён —
Гад-жучок его источил.

Гад-жучок и гадина-моль,
И кухонных взвод муравьёв,
Навсегда замолчать позволю
При отсутствии всех слоёв,

Всех слоёв, всех заветных слов,
Повелитель ос и ослов,
Основатель осей и основ,
Вдохновитель иллюзий и снов,

Вседержитель! Спаси свой улов!

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

*Не бывает вечных религий.
М. Веллер. Кассандра.*

Вот музыкант, что пилит за еду
На скрипочке блатную лабуду,
Сам в это время думая о том,
Что мог бы быть солистом-скрипачом.
Что если б повезло ему чуть-чуть,
То стал бы триумфальным нищий путь.

Герр Бог, он говорит во тьму, герр Бог,
Ах, отчего Ты только к слабым строг?
И только чистых Ты ввергаешь в прах
С неведомой любовью на устах?
И чем, скажи, тогда отличен Ты
От идола, что зрит из темноты
Давно забытых каменных веков,
Где к жертвоприношению готов
Любой, распластан кто у ног его,
Но жрец находит пальцем одного
В уверенности, что лишь так, лишь так
Стада нальются, и созреет злак?

А в пищевой цепочке наверху
Венец творенья запахнет доху
И выдохнет вчерашний перегар,
Уже не юн, но всё ещё не стар.

МОЛЕНЬЕ О ПЛАЧЕ

*Я плачу — значит, я живу...
Ася Голицына-Кац*

А. Нелюбиной

1.

Рукавом утирался, но слёзы ползли по щекам,
Воду пил, и вода по его подбородку стекала.
Позабывая дрожь, наплевав на свой будущий срам,
Растекалась в крови и по следу, как зверь, наступала.

Повторялся, лажал, забывал и опять начинал,
Извинялся, глаза закрывал, как-то странно запнулся,
Перекладывал тексты, очки надевал и снимал,
И ещё на нетвёрдых ногах пару раз покачнулся.

Был прекрасен, как бог, и хорош, как любой голубой,
В вечной юности даже под сорок, в тоске поминутной.
Звук метался, как знамя, над верхней бескровной губой
И, как дождь, упал, и кружился, как лист бесприютный.

В честь Деметры рождённый языческим зовом стихий,
Харизматик, актёр прирождённый и слов повелитель,
О, любимец богов, как хлеба, раздающий стихи,
Всем желающий счастья, прощающий всех небожитель.

Говори, говори, я прошу, говори, говори,
Заговаривай смерть этой радостью, птичьей ли, бычьей,
И бессмертье зови, и любовью цветущей гори,
Все ларцы отвори, слёз людских богатея добычей.

Пусть алмазы твои, изумруды твои жемчуга,
Щедры льются из глаз и со словом мешаются жарким,
Как Геракл, со звуком борясь, и беря этот мир за рога,
Будь навеки небесным, ничьим, неоплатным подарком!

2.

Я плачу — значит, я живу,
Бесстрашно чистую главу
Вновь открываю, где в финале
Прекрасный принц прекрасным днём
Уйдёт своим мужским путём,
В конце письма не ставя «Vale!»

И с этим тоже можно жить,
Писать стихи, смирать, смирить
Гордыню, эго подавляя.
И плакать. Горько, но светло,
И нежно целовать чело,
На жизнь и плач благословляя.

3.

Я плачу — значит, я люблю,
Не остановит слово «blue»,
И это я перетерплю,
Перенеможу, передужу,
Перемолитвлю, пересплю,
И в час Господень предьявлю
Слезу жемчужную белужью.

4.

Я плачу — значит, я дышу Тобой,
Дышу и не противлюсь, Боже,
Дар плача дан, как новобрачным ложе,
Как океану дан его прибой.

Слёз не стыдись и сердцем трепеща,
Мне в храм войти — потом неделю плакать.
Как нежно влажна умиленья мякоть,
Лови меня, как Пётр ловил леща.

Так — символ веры — катится слеза,
Пускай без слов, беззвучно полнясь смыслом.
Сколь сладок виноград, что был когда-то кислым,
И сколь бессильна райская гюрза!

Ох, накаркал, ворон, накаркал большую беду,
Мой сутулый ворон, что в корень зловредный зрит.
Ох, сломался порядок божий в бесовскую чехарду,
Не на месте сердце, пустившееся в транзит
Не своим путём, не своей привычной тропой —
Целиной негожей, где бурелом-бурьян,
Где и зрячий-то не пройдёт, не то, что слепой,
Что от счастья слеп и от наважденья пьян.

Ах, раскаркай, ворон, обратно своё колдовство,
Ах, верни, сутулый, привычную жизнь мою,
Где свобода и соломенное вдовство,
Что не видишь разве, что на краю стою?
Но молчит мой ворон, сутулясь ещё сильнеей,
Только глаз сверкает, как антрацит, агат,
Только перья гладит, словно конюх коней,
И беде моей, как счастьем большому, рад.

**ПИТЕР БРЕЙГЕЛЬ.
БОЛЬШИЕ РЫБЫ ПОЖИРАЮТ МАЛЫХ.**

Пока не вырубят рубильника
И мира не заклинят ось,
Идёшь и жрёшь из холодильника
Всё, что найти там довелось.

Поскольку нет других, о, Господи,
Днесь подтверждений, что жива,
Поскольку ветхими обносками
Свисают вечные слова,

И, растерявши все значения,
Трепещут на сыром ветру,
В надежде странной, тем не менее,
Дай Бог, мол, оживём к утру.

Поскольку в возрасте уныния
Лишь акт питания весом,
Поскольку стройной лишь Лавиния
Останется во сне косом,

Поскольку малых рыбок стаями
Большим заглатывают ртом
Те, кто от солнца не растаяли
И в стужу не слепились в ком.

Те, кто на пире победителей
Ошую запросто сидят,
И пьют победно за родителей,
И сласть заморскую едят.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

*Болезнь заменила ей семью.
Эрве Базен*

Женщина семью свивает
Из всего, что овекает:
Из соседей и коллег,
Из друзей любого пола,
Из заветного глагола,
Из того, что шепчет снег.

Где тут муж и где тут тётка,
Где разлучница-красотка —
Враз никак не разобрать.
Поменяемся ролями,
Словно фрики в новой драме:
Дочь сегодня, завтра — мать.

Ну, а коль болезнь случится,
То и с ней она смирится,
И опять прилежно вить
Примется чужое действие,
Принимая за семейство
Парки рвущуюся нить.

2.

Если что случится с мужчиной,
Сразу жёны кругом, подруги,
Сразу, чёрт его знает, дети...
Все баюкают, нянчат, плачут,
Воду тащат, с ложечки кормят,
По ночам у постели дежурят,
Деньги платят без всякого счёта,
А уж коли придётся проститься,
Целый хор рыданий у гроба,
Да и вдов — сосчитай, попробуй!

Если с женщиной что случится,
Все в делах, все в своих заботах,
Ни родных, ни друзей не сыщешь —
Помирай, как хочешь, обуза:
Баба с возу, кобыле легче.
Некролога никто не напишет,
А про вечер памяти, кстати,
И мечтать не стоит, поскольку
Без вдовы ничего не бывает.
И за гробом — подруга да дети.

Нет, не зря еврей правоверный
Всяким утром творит благодарность,
Что не женщиной он родился.

И не зря буддист гололобий
Медитирует, зная, нирвана
Лишь мужчине — да-да! — открыта,
Через это лишь воплощенье.

Клубятся, как космос, белила на кобальтовом холсте,
И снова Самсон и Далила навеки сплелись в темноте.
Что скажешь, что скажешь, приятель, сквозь ветер
и хладную тьму?
Назначил, как видишь, Создатель тебе лишь брести
одному.
Тебе с этой тощей котомкой, где фляга да хлеба кусок,
В обнимку с искристой позёмкой и городом, что изнемог
В тисках как бы предназначенья, мол, каждый —
творец и герой,
Где блещет, как страж, поражение, лучистей триумфа порой,
Где правят судьбой сновиденья, где грозен придиричивый Бог,
Где выверен шаг провиденья, а выигрыш — позора залог,
Где сфинкс и грифон златокрылый к испытанным
жмутся камням,
Где шепчет Самсону Далила сквозь сон:
«Никому не отдам!»

Знаешь прекрасно, как это всё происходит:
Поначалу сходишь с ума, а потом всё бесследно проходит,
Будто и не было. Сам удивишься— куда
Всё подевалось? А так. Рассосалось со временем.
Чушь, ерунда...
Что, полегчало? Как будто. А, впрочем, как знать,
как знать...
Спит, захмелев, вповалку вся королевская рать.
Тебе одному не спится. Ломтик луны горчит.
Над овдовевшей страницей ослепшая муза парит...

Памяти тети Люси

Пустая моя голова, — говорила тётка,
Желтела окрест трава, и качалась лодка
С гребцом молчаливым, таился обол в кармане —
Так капля блестит, одиноко повиснув на кране,
Когда перекрыта вода, а новой не дали...
Что видят они тогда в открывшейся дали?
А жизнь, что была допрежь цветиста и звонка,
Теряла и звук и цвет, пустела солонка,
И сахарница за ней... Мир сжимался в точку.
И тётка уже в себе не будила дочку,
Обиженную на мать, что на свете нету,
Всех родственников опять отпуская в Лету,
И чуяла бабку с трудом, оглядев земное.
Душа возвращалась в дом, не ликуя, не ноя,
А просто — привычным путём, по знакомой тропинке,
Ну, может, сронив в окоём о нас две слезинки.

Пять чувств и четыре стихии —
И хватит! И боле — ни-ни!
Коль эти затеи лихие
С лихвою заполнили дни.

От самого первого крика
До вдоха последнего — ах! —
Лишь путь от личинки до лика,
Лишь терпкий озноб на губах.

Говорил маме моей закарпатский крестьянин:
— Ваша дивчинка, пани, будет велика пани.

Столько лет прошло — ну, и где та велика пани?
Посмеялся, видно, тогда закарпатский крестьянин.

Просто так сбрыхнул, чтоб сказать приятное пани.
Не держу на тебя я зла, закарпатский крестьянин.

Отчего же помнятся эти слова полвека,
Не ответят ни Фрейд, ни Юнг, ни Мартын Задека.

То слёзы на глазах, то в горле острый ком,
То на ладони лист лодкообразный,
Засохший не к добру, а к осени, притом
Прибившийся мотивчик неотвязный.

Что это? Всюду жизнь? И счастье? И судьба?
И грозный древний рок, сулящий гибель складно?
По капельке, смелей, выдавливай раба,
Всё Божией работой останешься — и ладно.

Конденсат языка, выпадающий на языке
Не прозрачной росой, а венозными фиброузлами,
Что ни слово — уродец, в дырявом вручённый мешке
Повитухою-ведьмой со злыми косыми глазами.

Не гармония, нет, грамматический хаос и хтонь,
Первобытный пра-пра... — где там греки с подругой-
цевницей?

Оттолкнув своевольно дарящую Божью ладонь,
Вавилонов разлад ли, разврат, возвращённый сторицей?

Иссякает язык в новом варварстве, прежняя мощь
На глазах угасает под натиском хищных вандалов.
И растёт сквозь словарь меловой лишь бессмысленный
хвощ,

И ревёт динозавр, пробираясь меж новых анналов.

II

Во времена блаженных фармацевтов
Поэты были — Боже! — соловьями,
Порочными пророками, и гласом
Не то небес, не то, напротив, ада.
И жгли сердца разборчивым глаголом,
Орудя, как нынче разве нефтью
Иль банковскими верными делами
Умеют управляться, дивиденды
Без риска набирая! Их носили
Как триумфаторов, как теноров, как прочих
Кумиров шоу-мира в нашем веке
Буквально на руках в чаду, в экстазе.
Признания писали, анемоны
Без счёта им дарили, на могилах
Стрелялись или снадобьем травились...
Живою жизнь была и страстной.
Слово жило.
И пело.
И губило.
И плясало.

А что теперь?
Кривляется, как в цирке.
Кричит кикиморой.
Влачится инвалидом.
И ничего не значит.
Ни-че-го.

ВЕЧЕР МОЛОДОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ЗВЕЗДЫ

Принарядившись,
усесться в первом ряду.
Неотрывно смотреть
звезде прямо в глаза.
И усиленно делать вид,
что тебе
на десять лет меньше,
чем есть на самом деле.

Жизнь уплотнилась донельзя
И так, чёрт возьми, усложнилась,
Что перестала решаться
Набившая руку задачка
О волке, козе и капусте,
Поскольку её фигуранты
Не в праздную лодку стремятся,
А по делам неотложным,
Успешно ведущим к успеху.

Даже простая капуста,
которую, тихо лелея,
римский, блин, экс-император
вырастил нам в осложненье,
спешит поскорее продаться,
не дожидаясь ни лодки,
ни алчных попутчиков вечных,
ни решения глупой задачки.

ОТ ПЕРЕМЕНЫ МЕСТ МЕНЯЕТСЯ КОМПОЗИЦИЯ

Не помню,
то ли душа весит 21 грамм,
то ли пуля —
нет, пуля, кажется, 9,
вроде так пел Окуджава.
Да и не столь это важно:
ведь от перемены мест слагаемых
не меняется сумма.

Зато — меняется композиция,
о которой, как мы помним,
так пёкса
— и вовсе даже не без оснований! —
последний наш
нобелевский лауреат.
И меняется она
всегда.
И, увы, строго принципиально!

Аминь.

ДЕЛОВЫЕ НОВОСТИ

Ворованный воздух,
по юридическому недоразумению,
не возвращён
законным владельцам,
а растащен
до последней молекулы
мелкими щипачами,
уверяющими, что это их
родовое наследство.
Ведётся следствие.

Гамбургский счёт
ликвидирован
за давностью,
не востребованностью
и — заодно —
последствиями
тотального
мирового дефолта,
в том числе,
и вербального.

Русский язык
по-прежнему
неконвертируем
по полной своей несовместимости
с ментальностью
остального
цивилизованного человечества,
что совершенно выводит его
за границы

международной активности,
то есть делает интересным
исключительно
в среде чудаков-коллекционеров.

Таковы сегодняшние реалии
и котировки.
До новых встреч.

И — погода на завтра.

БЕССМЫСЛЕННОЕ ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Я только жительница. Ничего другого
Мне ни сказать, ни вспомнить о себе.
Я только обывательница. Часть,
Притом не речи даже. А того,
Что нынче называют населеньем,
А то ещё зовут электоратом,
Притом мельчайшая, притом за гранью
Не то что бедности, а худшего — должно быть,
Той самой нищеты, что благородной,
В отличие от бедности, уже
Никак не может быть, а лишь позорной:
Позорной, будто старость у красоти,
Позорной, как мужская немощь, как
Потеря чести, бегство с поля брани...
Позорный тлен ещё живого тела,
Зловоние, что трудно перенести
Всем, кто случайно оказался рядом.

Романтик-Бёрнс, ты был, увы, неправ!
В шелках и в бархате мы разглядеть способны
Не только красоту, но добродетель,
А что в лохмотьях грязных разглядишь,
Когда смотреть не хочется? Когда
Про душу и не вспомнишь, наблюдая
Антиэстетику материи? Бог мой,
Что делать? Таково устройство мира.
Так человек затеян, что ему
Лишь молодость и красота любезны.
Богатство то есть в зримом воплощенье.
Винить его за это ни к чему.
Ведь каждый получает по заслугам
И стоит ровно столько, сколько стоит.
Жизнь справедлива — в этом парадокс!

Листаю фотоальбом:
умер,
уехал,
рассорились,
больше не видимся...

Умер,
умер,
умер...

И так –
на каждой странице.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НЕДОУМЕНИЕ

Муму с Герасимом плывут в своей лодчонке...
Я понимаю барыню, которой
Осточертел собачий лай — он вправду
Натурам музыкальным нестерпим!

Но всё ж — зачем топить? Отправь куда подальше —
И все дела! Зачем топить, палачка
Безжалостная? — Случай был в семье
Великого писателя, к несчастью!

Зачем нас мучить пагубным финалом?
Верёвка, камень — фу! Какой-то триллер!
Какое-то кино дозвуковое,
Где обделённому природою герою
И говорить не надо ничего.

Вокруг природа дышит полной грудью,
Не умерщвлённая пока ещё прогрессом,
Перо скрипит по девственной бумаге,
Рождая классики заветные шедевры.

А вы топить взялись...
Безвкусно, господа!

Сто двадцать вариантов толкований
Предложит бодрый критик — без обмана
Все хороши, и, между прочим, каждый
Уместен и исчерпывающ. Что ж.
Такое нынче время разночтений:
Не то, что правды — истины одной
Как будто бы не стало. Между тем
Интерпретация из всех умений
Ценнее нынче прочих. Будто слово
Возжаждало вторичным стать, а право,
Божественное право первородства
За чечевичную похлёбку славы
И кабинетных мудрствований модных
Отдав, не глядя, в руки честолюбцев,
Перепевающих чужие мысли
Своими буквами и нотами. Бесспорно,
Заняты их внимания достойно,
Но большего?
Что скажешь, милый друг?

ЮБИЛЕЙ

Водку выпьют,
конфеты съедят,
цветы завянут,
книгу пролистают за полчаса
и закинут куда подальше.
И лишь юбилейная медаль —
всем подаркам подарок! —
будет неумоимо сиять
неувядаемым своим
фальшивым
дружеским
золотом!

ВОСТОЧНАЯ КАРУСЕЛЬ

1. Фарфоровый заяц в Год Зайца

К. Копылково

... И бабочки, по две летающие, дабы
Обкусанные эллинские торсы
Хоть чем-то напоследок удивить,
На зайца-кенгуру летят, как на приманку
Слетаются весёлые рыбёшки,
Чьи ротки не в силах одолеть
Не то, чтобы крючок, но и наживку,
И золотят усы ему пыльюю,
И под хвостом-огрызком ставят точку,
И знак Стрельца рисуют на брюшине,
И замирают в брошенном полете,
Прильнув к отсутствующе-белоснежной шерсти —
Следы растений в докембрийской глине —
На ляжках и боках, спине, а также
Везде, где только могут уместиться
Без мотыльковой глупой толкотни,
На свет летящие безмозглые гимнастки,
Нарядные воздушные нимфетки,
Соперницы двуногих щеголих.
Накрыл ладонью — и сачок не нужен.
Ау, надменный русский пилигрим,
Туристом живший в дебрях языка
Другого, чтоб невинное создание
Порочным воплощеньем заменить,
Здесь для тебя раздолье, здесь, поверь:
На этом несерийном экземпляре
Рой бабочек, что в слове «декольте»
Две буквы потеряли вместе с платьем,
И хороша, как никогда, потеря!

2. Снова Год Свиньи

... вот уже и Год Лошади
умчался вскачь,
скрывшись до поры до времени
за поворотом восточной карусели,
и Год Овцы
скромно протрусил бочком,
и откривлялся
Год Обезьяны,
и Год Петуха
бойко откукарекал своё,
и Год Собаки
дружески отвилял хвостом,
не преминув при этом
прихватить клыками
особо уязвимые места,
чтобы всё-таки помнили,
кто в доме
Главный Помощник Хозяина...

И вот уже сотрясается забор
от почёсываний
неизбежно наваливающегося
Года Свиньи.
И все как-то сразу засуетились:
молчаливое большинство
заготавливает бисер
для грядущего успешного метанья
и раскладывает аппетитными горками
остро пахнущие апельсины,
дубы прячут корни,
ловко маскируя их
листьями и желудями,

а эстетствующие
в гастрономической части
обыватели,
сладко жмурясь,
растягивают удовольствие,
по-хохляцки кругля рот
в процессе произнесения
длинного слова «са-а-а-ло-о-о»...

И от всего от этого
делается
по-домашнему уютно,
и тлеет, тлеет
малодушная надежда маловеера:
авось,
и на этот раз —
пронесёт?

3. Снова Год Крысы

Двенадцать долгих лет мы два мешка съедали —
Запасливая мать приберегла их впрок.
Был сахарный песок то с привкусом печали,
То с запахом рогож... Китайский этот срок,
Крысиный этот круг не сладко, но достойно
Был пройден, хоть потерь, что всех страшней,
не счесть!

И кончился песок. Мешки висят привольно
На свежем ветерке.
Пуд соли легче съесть!

ПИФИЯ

Возле пророческой расщелины
со смрадными испарениями
что скажет нам нового о свободе
из тёмной своей несвободе
алкоголичка и наркоманка?

Но нет — смешно и подумать! —
говорит, говорит,
поскольку её организм,
словно вербальный будильник
с безупречной точностью хода
заведён на звуковое произнесение
бесконечных словесных красот
со значительным и отрешённым видом.

И вот — говорит, говорит,
томно округляя гласные
и растягивая звук
в манерных своих пророчествах.

И ей — внимают благоговейно.

Карма твоя
в кармане у Господа,
будто в сберкассе счёт,
то прибавляется,
то убавляется,
то в никуда течёт...

Боль
не добавляет мудрости,
страдание
не учит состраданию.

Зато как успешно
спевшаяся эта парочка
толкает
на исхоженную
тропинку комфорта,
где счастье —
всего лишь отсутствие
и того,
и другого.

МАЛЕНЬКАЯ ОДА БЕСЧУВСТВЕННОСТИ

Бесчувственность, ты — лучшая подруга!
Розовощёка, пустоглаза, прелесть! —
Когда в часы дремучего досуга
У прочих жгуче вызываешь зависть,
Ведь ты неуязвимостью вернее,
Чем силою, умеешь удержать...

Вот поучиться б у тебя, но возле
Быть постоянно тоже вряд ли в кайф:
Устанешь и от этого, о, Боже,
Как устаёшь от жизни под конец
Пути земного, понимая: скверно
Ты жил, да что изменишь? Вот беда.

ПРАВИЛО ВЫЖИВАНИЯ № 1

Главное — не встречаться глазами:
Ни с нищими, ни с бомжами,
Ни с бездомными псами,
Ни с окрестными стариками,
Ни с назойливыми продавцами,
Ни с подвыпившими качками,
Ни с омовскими главарями.

Ни со светлыми — ох! — образами...

*Времена не выбирают....
А. Кушнер*

Оставим девятнадцатому веку
Всю тонкость чувств и обморок в корсете,
Любимый томик, на скамье забытый,
Тургеневской природы половодье
И фетовской природы увяданье,
И чеховский притихший мезонин...

Оставим эти детские картинки
Тем дням, когда не знали слов: «блокада»,
«Фашизм», «Освенцим», «холокост», «зачистка»,
«Напалм», «Макдональдс», «маркетинг», а также
«Гламур» и много прочих дельных слов.

Ведь как-то и без оных управлялись,
И предвкушали небеса в алмазах,
И верили в величье человека,
И в слово неперемное «прогресс»,
В сверкающее будущее... Право,
Глядеть без слёз и смеха невозможно
На это детство мозга и души,
На тот уют, надежды и мечтанья.

Какое счастье быть обычным смертным,
Не доживая до осуществленья
Всех грандиозных чаяний! Но разве
Есть щель, в которой можно отсидеться
И выпавшее время переждать?

III

С разбитым стёклышком в часах,
С душой, разъятою на части...
Шамань, шаман, молись, монах —
Врачуйте, коль по этой части.

Не воссоздать, увы, стекла —
Лишь заменить. А душу живу?
А душу, что объяла мгла
Врагу лихому на поживу?

Дай Бог, срастётся, оживёт,
В двух водах претерпя крещенье,
Как оживает небосвод
В объятых радужных тенёт
Новозаветного прощенья.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

Бумаги тяжелее только грех,
А вьедливых чернил лишь кровь, должно быть.
Соблазн сквозит из буквенных прорех,
И дьявольский посверкивает коготь
На матовом мерцании пера –
В чернильнице полно приبلудных бесов...
Как Лютер, об стену её! – и вся игра.
Глянь, на дворе смеркается с утра –
Знать, Божий гнев грядёт,
Как прежде – гнев Зевесов.

2.

Бесы проворнее ангелов, проворнее, как ни жаль,
Крутятся вечно возле, дёргают за уста.
Их призывать не надо, любая им даль – не даль,
Бесит их только молитва, скрижальных заветов узда.

Бесы толпятся жадно за левым твоим плечом,
Под руку бойко толкают, плоть твою теребят,
Плюнь им в глаза умело, будто небесным мечом
Их отсеки, покуда нет возле тех ребят,

Что белым пухом крыльев всех их положат ниц,
Призваны высшим словом, небесная, словом, рать,
Сервис бесовский этот, который не знает границ,
В прах будет вмиг развеян – что тут еще сказать?

Что отчего-то трудно разверзнуть свои уста?
Что отчего-то проще окутанным тьмою жить,
Выведывать у гадалок, чёрного трусить кота,
И на кофейной гуще по-чёрному ворожить?

Когда я останусь навеки одна,
Когда ни покрышки не будет, ни дна,
А только парение духа
Вне зренья, сознания и слуха,
Неужто всё это и будет покой?
Неужто об этом мы молим с тоской,
И льём беспричинные слёзы,
В предчувствии метаморфозы?

Чёрной славы налипший мазут,
Что распутица вешней дороги...
Не ходи, мать, куда не зовут,
Только попусту вытопчешь ноги.

На воротах ли дёготь застыл,
Иль на вороте брань задержалась? —
Только шелест встревоженных крыл
Над душой... Или так — показалось?

Тает, тает наша льдина,
Тонут, тонут наши снасти,
Ни Пьеро, ни Коломбина
Не спасут от сей напасти,

Ни мудрейшие науки,
Ни новейшие искусства,
Ни искуснейшие руки,
Ни возвышенные чувства.

Износилось, износилось
Время и за ним — пространство:
Вместо трав — увядший силос,
Вот такое окаянство.

Было так: стояла она на дне,
А ему там дна не достать,
И он плывал кругами вокруг, зане
Говорить хотел, размышлять.

Что ж, охота пуще неволи! Ей
Не прикажешь, как в детстве, «Замри!»
Собеседник — вот что всего нужней,
Разговор — что партнёр в пари.

Перебрасывай этот волшебный мяч
Через сетку — и жди в ответ,
Что получишь — песочный кулич, калач,
Всё равно удачливей нет удач,
И другого нам счастья нет.

Оттого молчание Бога так
Удручает — молись-не молись —
Оттого и ловишь малейший знак,
И с надеждою смотришь ввысь...

Город фальшивых фасадов, ложного камня,
Город застывших иллюзий, бледных мечтаний,
Гордо смотрящий сквозь мир, презирающий ставни
На европейском окне, где ни Швеций, ни Даний

Не углядеть — всё туман да туман клочковатый...
Шкура твоя шелушится — кирпич, штукатурка,
Плесень да сырость, да сколок гранита шербатый,
Да бормотанья приبلудного урка ли, турка —

Вот все хваленые прелести. Но, как царевна
В коже лягушачьей, скинув её перед балом,
Взглядом столицу осадить, мол, дура, деревня,
Хоть и с деньгами, а то, что народ валит валом,

Так и понятно — там все сразу мнятся своими.
Мы же, на выселках, чужесть любую почуем.
Нет нам пароля, а только заветное имя,
Им и живём, им и лихо любое врачуем.

Сюжет таков, что Богу Богово,
А прочим — прочее, как водится.
Так зверю — родовое логово,
А нам — улыбка Богородицы,
Так утра — пенье птиц зазорное
И блеск росы на травах скошенных,
Так страждущим — ученье торное,
А нищим — хлад одежд изношенных.

ТОСТ

*Я пью за военные астры...
О. Мандельштам*

Я пью за судьбу Иокасты,
За Гамлета вечный вопрос,
За крик попугая «Пиастры!»,
За то, чтоб Том Сойер не рос,

За всё, что зовется культурой,
За книги и даже кино,
За живопись тонкой фактуры,
За терпкое это вино.

Я пью за колючие астры,
За свинства отпущенных дней,
За то, что одни педерасты
Поэты в отчизне моей,

За время, которому на фиг
Не нужен ни Бог, ни пиит,
За липкой иронии трафик,
Что в буковке каждой жужжит,

Я пью за чудачества Бога
И за молодое хамьё,
За то, что осталось немного
Глядеть, как скудеет жнивьё.

За то, что в тиши изобилен
И в грязной надсаде пивных
Рождается, чист и невинен,
Бессмертно-блистающий стих.

А всё, что помимо — до срока:
Прольётся и в землю уйдет.
Стоят — как всегда — одиноко
И этот, и этот, и тот...

И славы пускай не стяжали,
И нету читателей, но
Оставив покуда скрижали,
Один есть, что крутит кино,

Где в первом ряду сладкопевцы
И гимнослагатели дна.
Где соли довольно и перца,
Где сладко сжигается сердце,
И чистая радость одна.

Всё, что есть в поле зрения, больше похоже на хаос,
Чем на что-то иное. С легчайшим привкусом глины.
Не о том ли скорбел прозорливый Мишель Нострадамус,
Не мессии второго страшась, но явленья второй
Мессалины?

Не о том ли пытался сказать нам, беспечным потомкам,
Не о том ли предупреждал, прорицал, шифруя
Предсказанья свои, чтобы знанье его по котомкам
Не совали небрежно, а в холод вселенский, в жару и

В непогоду любую, катрены читая прилежно,
И дивясь совпаденьям, пытались осмыслить хоть что-то
В дробном ходе истории, в гуле ее незалежном,
В шуме времени тайном... А дальше — не наша забота,

Кто сумеет выжить, кого отберёт Всевышний
Для дальнейших над родом упрямым своих наблюдений,
Всё равно ни одна душа не окажется лишней
В этом циркульном круге извечных смертей и рождений.

Либо череп, обтянутый кожей,
Либо рыхлое рыло свиньи —
Выбирай свою старость, пригожий,
Не по письмам мадам Совиньи,
А по атласам анатомички,
По готовым к прощанью гробам,
Вьются в небе беспечные птички,
Обеспечен приют муравьям.

Похоронный оркестрик, сбиваясь,
Прорывает шопеновский марш.
Поползут червяки, извиваясь,
Загатавливать наново фарш.
Жизнь не вылечишь смертью, иное
Там несчастье и подвиг иной.
Ну, а здесь — крепкий дух пережня
И прошедшая жизнь за спиной.

Череп твой оглядит археолог,
Восстановит портрет по зубам,
Колос колок да век наш недолог,
Что курган, что погост — бьёт там-там
Или ружья торжественным залпом
Провожают от этих полей...
На помин выпей горькую залпом
И за здравие тотчас налей!

*«Человек — это недопустимо»
Э. Чоран*

Скажи мне что-нибудь, Чоран,
Не растравляя прежних ран,
Не нанося в запале новых.
О, истины угрюмый страж,
Впадающий в ментальный раж
Безумцев, ко всему готовых.

Недопустим пусть человек,
Пусть он готов свершить побег
В любую сторону абсурда,
Познаём проклят пусть навек,
Пусть ночью не смыкает век,
Пусть легковесен, словно пудра,

И жалок, и невечен он,
Но словом истины спасён
И верой, что сдвигает горы.
А больше — нечего терять,
Ребёнка разве или мать...
Легки у бытия затворы.

Пусть мрачен исподлобья взгляд,
Бессильем уязвлён стократ,
И желчна речь, и злы итоги,
Но с кем ещё, скажите, мне
Плыть на утерянном руне,
Кому ещё внимать, о, боги?

«...на новом, лучшем языке.»

А. Кушнер

Не зная, что сказать, не говори ни слова,
Лишь взгляд, улыбка лишь, прикосновенья зов —
Язык тот дорогой, что рад припомнить снова
И, заглянув в словарь, добавить пару слов —

Как трели соловья, как теньканье синицы,
Как клёкот журавлей над медленной рекой...
Но ныне пуст словарь, и вырваны страницы
Нетерпеливой юною рукой.

Куплена рамка, да убрано фото,
Место кумира вакантно, как прежде.
Нового — нет, заводить — неохота:
Что тратить силы в угоду надежде?

Ишь, подбирается скорым посскоком.
Кыш, пустоглазая, снова обманешь!
Странный ты лекарь: живительным соком
Поишь — и тут же цикутою травишь.

ВО СЛАВУ ОПЕРЕТТЫ

Л. Ивановой

Жизнь к финалу имеет в виду оперетту,
Потому что ресурса трагедии нету:
Состраданье исчерпано, силы не те,
Чтобы плакать и зубы сжимать в темноте.

То ли дело небесные эти рулады,
То ли дело беспечные эти наряды,
В панталонах дурацкие эти прыжки —
Ни намёка, ни тени предвечной тоски.

Герцогиням мужья изменяют ретиво,
Чайки крыльями машут на фоне залива,
Мистер Икс на качелях о счастье поёт,
Избавляя поклонниц от гнёта забот.

Пенсионные книжки припрятаны дома,
Как сладка музыкальная эта истома,
Как прекрасен из чахлой сирени букет,
Как с соседками делишь груз прожитых лет!

И к биноклю прильнув, бонвиван-старикан
Тщится видеть стриптиз сквозь невинный канкан.

О том, как жизнь задумчиво смеркается,
О том, как ангел жалобно сморкается,
И время лжёт так искренне в глаза,
О том, как лист с резьбы своей срывается,
О том, как город вечным быть старается,
Поговорим?
Хоть раз?
Хоть пол-раза...

Неудачница, затевающая роман –
Есть ли жалче зрелище? Боже, скажи как есть,
Отчего допускаешь садистский этот дурман,
Этот газ веселящий, обманную эту весть?

Отчего позволяешь слушать — забыть! забыть! –
Этот голос, вползающий в душу, как райский змей?
Отчего позволяешь видеть — глаза закрыть! –
Этот профиль точёный, божественней римских камней?

Отчего... А, впрочем, что спрашивать, коли нет
На земном ответов на внятном нам языке.
Вопрошай у птиц, у листвы за окном, у бед,
Отходящих в прошлое якобы налегке.

Обманись, пусть снова, как самый последний лох
Попадёшься в сети, расставленные хитро.
Потому что мир этот ни хорош, ни плох,
Коли нет авто, катаешься на метро.

Коли нету гербовой, вновь пиши на простой,
Коли нету принца, и свинопас хорош...
Так вари свой суп, не сетуя, что пустой,
Так неси свой крест, не сетуя, что негож.

И ничего не поняла,
И никого не отмолила,
И как ни морщила чела,
И как ни парила душою,
И как ни билась о стекло
Непонимания и муки,
Всё сквозь ладони утекло:

Хоть глаз-алмаз, да руки-крюки.

«Дерево не знает обездоленности»

Б. Паскаль

О, дерево, сойди с сияющих небес,
Омой себя дождём, войди в поля и травы,
Тебе кричат птенцы, и рукоплещет лес,
И радуга, как нимб, встает триумфом славы.

О, дерево, яви жестоковыйный нрав,
Усердие семян, коры невероломность,
Держись своих корней, стой на своём! Тот прав,
Кто верит в связь с землёй и в воздуха огромность.

Держись за небосвод — или держи его? —
Вы в связке, кто кого — не сразу и узнаешь,
О, дерево, прошу, не бойся ничего,
Ведь страх живёт, пока спасенья не взалкаешь.

И я к тебе, дай Бог, приду, как кельт-друид.
В поношенном плаще — ни славы, ни подбоя,
Тобою лишь дано изжить следы обид,
Покрыть твоей корой, укрыть твоей листвою.

Вей кроною своей, под снегом замирай —
Что тесные кусты с их кружевным объёмом? —
О, дерево, цвети, единственный мой рай,
Во всей своей красе за дальним окоёмом...

Д. Воденникову

Осколок вечности, как месяц молодой,
Зажат в руке и пальцы кровянит,
Он назван жизнью — что ещё сказать?
А время тучное проходит стороной,
Не задевая рдеющих ланит
Инстинктом хищника — ловить, поймать, терзать...

Его клыки улыбкою пока
Прикрыты ласковой, мол, хочешь — и позволь
Азарт и жар пьянчуги-едока,
Забывшего, чем потчует юдоль.

Но тает, тает месяц молодой
К рассвету, что зовётся словом смерть,
Когда в полях ликует козодой
И новым днём, как встарь, омыта твердь.

Не птица Гамаюн,
А птица-говорун
Среди балтийских дюн
И скандинавских рун

То клювом бьёт песок,
То падали кусок
Отыщет и клюёт —
Нектар ей это, мёд.

А как заговорит
На разных языках,
То будто Вавилон
Свой отрясает прах,

Пророчествует всласть,
Ничем, вишь, не унять.
Да лишь одна напасть —
Ни слова не понять.

Угомонится вдруг,
И воду пьёт из рук.

Как гром среди ясного неба,
Как медленный шёпот травы,
Как трепет летящего Феба,
Как лёгкий наклон головы,

Как всё, что подвижно и зыбко,
Как шаг на висящем мосту,
Как чует хохляцкая зыбка
Нечистого дух за версту,

Как всё, что таится во мраке
И льётся лучами с небес,
Как ангел, мятущийся в драке,
Как пляшущий в пламени бес...

Читать. И зачитаться. И с такой
Российскою тоскою неподъёмной,
С остекленевшим взором и рукой
К щеке припавшей, будто бы заёмной,
Затёкшею, задумавшись, сидеть...
Не видеть выхода. И входа. И побега
Возможности в другую жизнь. И плеть
Всей кожей чувствовать. И камеру. И снега
Завалы за окном предвидеть, и
Морозы тяжкие.
И хлад.
И мор.
И голод...

И века нестерпимые тиски,
И вечности неутолимый холод.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

И жить ленюсь, и умирать боюсь,
И никому уже давно не снюсь,
И ни о ком ночами не мечтаю,
И с Господом по-прежнему на «вы».
И дремлют все сторожевые львы
Цепочкою — от Рима до Китая.

2.

Не в том беда, что голова седа,
Не в том беда, что полночь на пороге,
Что мёртвая замшелая вода
В который раз обнюхивает ноги.

А в том беда, что голова седа,
А в том беда, что полночь на пороге,
Что чёрная нездешняя вода
Несёт, как дикаря в его пироге.

Бог милосерд, да рок неумолим.
Неслышной поступью, как вечный пилигрим,
Бочком-волчком судьба твоя крадётся,
Набросив капюшон на пол-лица,
И есть ли смысл у мёртвого гонца
Спросить, что в ней, болезной, нам зачтётся,
А что, напротив, гирей на ногах
Повиснет, оправдав наш чревный страх?
О будущем — ни-ни! И грех, и зябко.

С душой своей в согласии живи,
Ныряй в поток божественной любви,
Как в воду — птичка смелая, оляпка.

Коль жизнь тебя мельчит в незначайший петит,
Знать, прожитой любви уже не держит сила —
Как шарик надувной, что в небо не летит,
А падает, смутясь, воздушно, но бескрыло.

Там, знаешь, газ другой, особый должен быть,
Чтоб к облаку в друзья и к туче — по соседству,
А так — ручной пузырь и малыша сыть:
Иголочкой проткнуть в жестокосердном детстве.

Особый этот газ нас подымает ввысь,
Даёт про смерть забыть и временность живого.
Навстречу небесам лети, душа, стремись!
А шарик — пусть скользит... Задорно, но полого.

Содержание

I

«Будет тебе счастье с несчастьем вровень...»	7
«Бинокль — полевой или морской?...»	8
«Ездовая собака обожает свою упряжку...»	9
«Летние часы с белым, смотри, ремешком...»	10
Silentium	11
Жертвоприношение...	12
Моление о плаче	13
«Ох, накаркал, ворон, накаркал большую беду...»	16
Питер Брейгель. Большие рыбы пожирают малых	17
Русские сказки	18
Два стихотворения.....	20
«Клубятся, как космос, белила на кобальтовом холсте...»	22
«Знаешь прекрасно, как это всё происходит...»	23
«Пустая моя голова, — говорила тётка...»	24
«Пять чувств и четыре стихии...»	25
«Говорил маме моей закарпатский крестьянин...»	26
«То слёзы на глазах, то в горле острый ком...»	27
«Конденсат языка, выпадающий на языке...»	28

II

«Во времена блаженных фармацевтов...»	31
Вечер молодой поэтической звезды	32
«Жизнь уплотнилась донельзя...»	33
От перемены мест меняется композиция	34
Деловые новости	35
Бессмысленное вечернее размышление	37
«Листаю фотоальбом...»	38
Литературное недоумение	39
«Сто двадцать вариантов толкований...»	40

Юбилей.....	41
Восточная карусель.....	42
Пифия.....	45
«Карма твоя...».....	46
«Боль не добавляет мудрости...».....	47
Маленькая ода бесчувственности.....	48
Правило выживания № 1.....	49
«Оставим девятнадцатому веку...».....	50

III

«С разбитым стёклышком в часах...».....	53
Два стихотворения.....	54
«Когда я останусь навеки одна...».....	55
«Чёрной славы налипший мазут...».....	56
«Тает, тает наша льдина...».....	57
«Было так: стояла она на дне...».....	58
«Город фальшивых фасадов, ложного камня...».....	59
«Сюжет таков, что Богу Богово...».....	60
Тост.....	61
«Всё, что есть в поле зрения, больше похоже на хаос...».....	63
«Либо череп, обтянутый кожей ...».....	64
«Скажи мне что-нибудь, Чоран...».....	65
«Не зная, что сказать, не говори ни слова...».....	66
«Куплена рамка, да убрано фото...».....	66
Во славу оперетты.....	67
«О том, как жизнь задумчиво смеркается...».....	68
«Неудачница, затевающая роман...».....	69
«И ничего не поняла...».....	70
«О, дерево, сойди с сияющих небес...».....	71
«Осколок вечности, как месяц молодой...».....	72
«Не птица Гамаюн...».....	73
«Как гром среди ясного неба».....	74
«Читать. И зачитаться. И с такой...».....	75
Два стихотворения.....	76
«Бог милосерд, да рок неумолим...».....	77
«Коль жизнь тебя мельчит в незначаший петит...».....	78